

«Конек-Горбунок»

Сказку П. Ершова
читает О. Табаков

ПОНЕДЕЛЬНИК, 23 ИЮЛЯ,
2 ПРОГРАММА, 10.20;
Д-4—7.30; Д-3—6.00;
Д-1—3.45

Отчего сказка Петра Павловича Ершова «Конек-Горбунок» живет и поныне? Отчего каждое новое российское поколение начинает свое познание большого мира с русских народных сказок, сказок Пушкина да «Конька-Горбунка» Ершова? А ведь обращена ершовская жемчужина не только к детству и юношеству — любому из нас, в ком есть любопытство к своей истории, к незатейливому, будто с гудящего уличного перекрестка списанному, терикому русскому слову, к мудрости авторского речения, равного меткой народной поговорке, к улыбке. А там, по мере возмужания, «гражданин страны своей» вчитается и расслышит в этой сказке другой намек. Неисправимый демократ Ершов в «Коньке-Горбунке» аж на царя и царедворцев замаяхнулся (и это в первой-то трети вседержавного девятнадцатого!) и ловко намекнул на то, что это только им, сытым околотронникам, кажется, что они музыку заказывают. А и нет, с прозрачным иносказанием намекает автор, только народ всему голова, всему управа и расправа... «И кто супротив него пойдет, того судьба сей час проймает».

Удивительна еще тем сказка, что написана она девятнадцатилетним второкурсником столичного университета. Вот уж право — лег спать обычным студентом, проснулся знаменитым сказочником. Правда, сказка стала для Ер-

шова как бы испытанием по части «медных труб». Другое его (и драмы, и стихи, и исторические анекдоты, и либретто для оперы, и песни, и очерки быта) за трубили, отвели в тень «Конька-Горбунка». Да и не сделала сказка Ершова богатым. Из Сибири приехал поэт попытать судьбину — в Сибирь, в родной Тобольск, и возвратился. Печатали еще как бы по инерции его «Горбунка», дальше — меньше, а потом — и вовсе затишье. Со службой не очень выходило. А тут болезни, семья немалая, долги...

Наступил последний его год, шестидесять девятый. Август... Поэт безнадежно болен. Комнатенка... Горбится за любимой конторкой, прощается с задушевным местом, даровавшим ему часы вдохновения и душевного покоя, где столько было передумано. Жена в дверном проеме. Тихо плачет... Петр Павлович обернулся: «Не плачь, Леночка, «Конек-Горбунок» вывезет!».

После смерти сказочника в этой его конторке отыскался лишь медный пятак. По семейной легенде, болезненный младенец Петр для «отвода болячек» был «продан» его родителями за пятак бродяге нищему. С сим сказочник и отошел в мир иной, не накопив ничего больше, хоть и трудился что есть силы всю жизнь.

Медный пятак — награда ему за человеческий удел.

«Конек-Горбунок» — за поэтический. А у сказки этой нет цены!

Читает «Конька-Горбунка» Олег Табаков. Хотелось бы с чувством расписать, как он это по-особому делает. Да уж вам судить. Послушайте да посмотрите и помяните добрым словом того, кто подарил нам это чудо-чудное и кому нынешней весной было отмечено 175 лет от рождения.

В. АЛЕШИН

Горбунок и конек. Москва, 1990. — 22-29 стр. (№ 20). — С. 4